

И правда, с чего бы красивому человеку оказаться пушечным мясом.

Хэ Фэй с легкой улыбкой, покачивая складным веером, под всеобщими взглядами поднялся на сцену.

Ведущий окинул Хэ Фэя взглядом, словно будучи сражен его манерой держаться, и не стал допытываться напрямую, а вместо этого задал следующий вопрос: — Кто автор произведения Весенняя река в цветочную лунную ночь?

Все верно: услышав тему Весна, Тао Янь просто «невзначай» написал Весеннюю реку в цветочную лунную ночь.

На самом деле Тао Янь руководствовался лишь тем, что одной палочки благовоний — это слишком долго. Напиши он слишком быстро, его легко заподозрили бы в обмане, поэтому он выбрал стихотворение подлиннее и тянул время, размазывая тушь, чтобы как раз хватило на сгорание палочки.

Лю Сиси не стала смотреть, как Тао Янь пишет стихотворение. Поскольку, по слухам, император Дасина был совершеннейшим тупицей, она, желая сберечь лицо Тао Яню, не стала проверять, что именно он там выводит. Заметив лишь, что Тао Янь пишет очень много, она решила, что его стихи посредственны: времени ведь предостаточно, но обычно хорошее стихотворение держится на одной-двух ярких строках, а писать слишком много в такой короткий срок — крайне невыгодно.

Тао Янь полагал, что большинство людей в древности наверняка обладали выдающимся литературным талантом, однако забыл, что это был всего лишь народный конкурс, к тому же разве те стихи, которые они заучивали в современности, не являлись передававшимися из поколения в поколение великими шедеврами?

Когда ведущий задал вопрос в первый раз, Тао Янь даже не сообразил, в чем дело, и лишь когда тот повторил его, отозвался: — Я написал.

Заметив на Тао Яне маску и довольно простую одежду, ведущий проникся к нему некоторым пренебрежением: — Пожалуй, поднимитесь-ка и вы на сцену.

Лю Сиси, конечно же, понимала, что вызванного на сцену человека заподозрили в утечке темы из-за слишком хорошего стихотворения. Она была знакома с Хэ Фэем, поэтому знала, что литературный талант Хэ Фэя исключал подобные подозрения, и все это время ломала голову над тем, какими судьбами люди Шофэя тоже объявились в Дасине.

Однако Лю Сиси никак не ожидала, что Тао Янь тоже поднимется вверх. Лишь когда Тао Янь сделал три шага, она сообразила: Тао Яня тоже позвали на сцену.

На Тао Яне были надеты самые простые светло-голубые одежды из дешевой ткани — в конце концов, он сбежал тайком и ради конспирации даже нацепил свиную маску.

Ведущий произнес: — Не соблаговолит ли этот молодой господин снять маску?

Тао Янь немного подумал, рассудив, что его почти никто не знает, к тому же ему хотелось поразить Ян Хуаня, который неизвестно где сидел, и протянул руку, чтобы снять маску.

И правда, на человека всегда нужно смотреть вживую. В волосах Тао Яня красовалась лишь самая обычная деревянная шпилька, стягивавшая пряди в пучок, но простая одежда и заурядное украшение не могли сделать обычным самого Тао Яня.

Его растерянные, чистые, словно у новорожденного младенца, глаза смотрели на толпу, в уголках рта застыла улыбка — о том, до чего же он был хорош собой, можно было и не распространяться.

Весь облик Тао Яня разительно отличался от манеры Хэ Фэя.

Хотя Хэ Фэй тоже слыл мастером словесности, он прославился в юные годы и теперь, будучи совсем молодым, занимал высокое положение. От него исходило какое-то невыразимое высокомерие: хотя оно не вызывало отвращения, все же заставляло людей чувствовать себя не в своей тарелке и держаться на расстоянии.

Тао Янь же, стоя там, казался весенним теплым ветерком — он не только не нес в себе никакой угрозы, но, напротив, дарил удивительно приятное чувство.

Замерев на месте при виде этого лица, оказалась не только стоявшая в толпе Лю Сиси, но и наблюдавший за весельем из павильона Ян Хуань.

Глава 9. Птица в золотой клетке

Тао Янь несколько оцепенело стоял на сцене, не зная, куда деть руки, а в его испуганных глазах читалось такое смутение, будто он был ребенком, совершившим нечто предосудительное.

Если сопоставить это с только что сказанными словами ведущего и сравнить с непринужденной уверенностью Хэ Фэя, люди невольно склонялись к тому, чтобы подозревать именно Тао Яня.

— Эти два стихотворения вы сочинили прямо здесь? — Ведущий бросил взгляд на обоих, а затем задал вопрос.

Хотя вопрос адресовался двоим, его взгляд явно дольше задерживался на Тао Яне.

— Да, — легко усмехнувшись, ответил Хэ Фэй. Он смотрел прямо в глаза ведущему твердым взглядом, а его лицо сохраняло невозмутимое выражение — казалось, он толкует о самых обыденных вещах и ему вовсе нечего скрывать.

— Да, — голос Тао Яня прозвучал тише. Он тоже смотрел прямо на ведущего: пусть его боевой настрой казался несколько слабее, зато глаза были чисты до самого дна, и всем своим видом он совершенно не походил на лжеца.

Хотя ведущий сильнее подозревал Тао Яня, он никак не мог доподлинно определить, кто именно солгал.

— У меня есть способ выяснить, не узнал ли кто-то из них тему заранее, — раздался голос из павильона.

Толпа проследила за звуком и увидела роскошно одетого мужчину с выдающейся манерой держаться, который с улыбкой в уголках глаз смотрел на двоих на сцене.

В словах этого человека таилось какое-то внушающее доверие очарование: раз уж он сказал, что у него есть способ, значит, он непременно сыщется. Люди по привычке задрали головы в ожидании, пока он заговорит.

Этим человеком был Ян Хуань, от природы наделенный царственным величием.

— Давайте зададим им на месте еще одну тему и заставим ответить, чтобы выявить сильнейшего.

Ян Хуань посмотрел на Хэ Фэя и спросил: — Согласен ли брат Хэ?

Хэ Фэй и Ян Хуань, разумеется, были знакомы, но ни один из них не собирался срывать с другого личину — сейчас они лишь прощупывали друг друга: — Ха-ха, разумеется, пусть будет так, как скажет брат Ян.

Ян Хуань перевел взгляд на Тао Яня. Тао Янь отступил на два шага назад, намеренно уходя от его взгляда, но разве можно было спрятаться, когда тот смотрел сверху вниз?

— А ты согласен?

Опустив голову, Тао Янь бессознательно произнес: — Пусть все реш... решай ты.

Следом Ян Хуань бросил еще одну фразу: — Не смей проигрывать.

Бессмысленная с виду фраза без начала и конца — было непонятно, к кому она обращена.

И Хэ Фэй, и Тао Янь отлично понимали, что Ян Хуань адресовал эти слова Тао Яню. Хэ Фэй был знаком с Ян Хуанем, в отличие от Тао Яня, и, услышав слова Ян Хуаня, невольно бросил пару лишних взглядов на человека, которому предстояло состязаться с ним наравне.

Однако он увидел лишь робкого, пугливого ребенка, который даже не смел поднять глаза, и в его сердце с самого начала зародилось изрядное пренебрежение.

Поскольку Ян Хуань только что открыто показал, что знаком с человеком на сцене, новую тему все же предстояло огласить ведущему. Посовещавшись с судьями, тот объявил: — Во избежание утечки тем мы возьмем что-нибудь более заковыристое. Всем известно, что Дасин уже почти сто лет живет в мире и процветании, не ведая войн, поэтому в качестве темы для стихов мы выберем военные лихолетья.

Хотя тема подходила не то чтобы очень к месту, она действительно оказалась неожиданной.

Снова давалась палочка благовоний, но на сей раз оба долго не брались за кисти.

<http://bllate.org/book/26041/3117981>